

Понятийные категории как объект лингвистического исследования

Введение

Вопрос о мыслительной основе языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистической парадигме в качестве одного из важнейших. В этой связи особо актуальными становятся исследования в рамках сравнительно недавно заявившей о себе концептивной лингвистики - области языкознания, ориентированной на анализ генезиса, развития и функционирования языковых построений в плане их обусловленности ментальным субстратом, важнейшей составляющей которого являются дискретные элементы сознания - концепты (понятия), которые способны группироваться в сложные структуры, называемые понятийными категориями. Последние явились предметом уже достаточно многочисленных исследований, но не получили сколько-нибудь единообразной интерпретации. Цель настоящей статьи - дать обзор истории вопроса о понятийных категориях и предложить возможную таксономию их сущностных характеристик и функций.

1. Сведения из истории вопроса

Впервые термин «понятийные категории» был введен в научный обиход О.Есперсеном в его ставшей классической работе «Философия грамматики», увидевшей свет в 1924 г. О.Есперсен признает, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. (...) За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями» (Есперсен 1958, 57-58). Не исключая традиционного подхода к изучению языков – от формы к содержанию (семасиологический подход), О.Есперсен, как и его современник Ф.Брюно, считает важным метод исследования языка с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме, закладывая, таким образом, основы ономасиологии. Именно при таком подходе становится очевидной та существенная роль, которую играют в успехе лингвистического исследования понятийные категории, и встает вопрос определения их онтологии и функций.

Термин «понятийные категории», как отмечалось выше, принадлежит О.Есперсену; было бы, однако, ошибочным считать, что и теория понятийных категорий как мыслительного субстрата языка начала развиваться лишь с трудов этого исследователя. Следует признать, что и до О.Есперсена в языковедческой литературе высказывались предположения о существовании

некоей ментальной сущности, предвещающей языковые (в особенности грамматические) построения и лежащей в их основе.

Есть основания полагать, что первым существование «универсального компонента» языка (или, скорее, языков) с собственно лингвистических позиций обосновал В. фон Гумбольдт в связи с проводившимися им типологическими исследованиями и созданием морфологической классификации языков. С.Д.Кацнельсон следующим образом резюмирует встречающиеся в разных работах высказывания Гумбольдта на эту тему: «Универсальные категории – это по большей части мыслительные формы логического происхождения. Они образуют систему, являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую. Вместе с тем и собственно логическими назвать их нельзя, так как, будучи обращены лицом к грамматике, они обнаруживают специфические черты. Можно сказать, что они составляют область «логической грамматики», которая по существу не является ни логикой, ни грамматикой; это идеальная система, не совпадающая с категориями отдельных языков. В каждом отдельном языке категории идеальной логики преобразуются в конкретные грамматические категории» (Кацнельсон 1972, 12-13). Хотя «универсальные категории» Гумбольдта еще не совсем «понятийные категории» Есперсена (что вполне естественно: Гумбольдт по большей части типолог, а Есперсен грамматист), но тем не менее совпадение сущностных характеристик тех и других поразительно.

Проходит некоторое время, и Г.Пауль в работе «Принципы истории языка», опубликованной в 1880 г., достаточно подробно останавливается на подобном рода категориях, именуя их в соответствии с традициями своего времени и в духе младограмматического учения «психологическими категориями». Г.Пауль считает, что всякая грамматическая категория возникает на основе психологических, причем первая представляет собой не что иное, как внешнее выражение второй. Как только действительность психологической категории начинает обнаруживаться в языковых средствах, эта категория становится грамматической. Заметим, что данное положение очевидным образом перекликается с идеей Гумбольдта о «преобразовании» рассматриваемых им универсальных категорий в конкретные грамматические категории. По Паулю, с созданием грамматической категории действительность психологической не уничтожается. Психологическая категория независима от языка (ср. цитированное выше высказывание О.Есперсена о внеязыковом характере понятийных категорий и о том, что они не зависят от более или менее случайных фактов существующих языков.); существуя до возникновения грамматической категории, она продолжает функционировать и после ее возникновения, благодаря чему гармония, существовавшая первоначально между обеими категориями, с течением времени может быть нарушена. Грамматическая категория, по мнению Пауля, будучи связана с устойчивой традицией, является в известной мере «застывшей» формой психологической категории. Последняя же постоянно остается чем-то свободным, живым, принимающим различный облик в зависимости от индивидуального восприятия. Кроме того, изменение значения очень часто способствует тому, что грамматическая категория не остается адекватной категории психологической. Пауль считает, что если впоследствии появляется тенденция к выравниванию, то происходит сдвиг грамматической категории, при котором могут возникнуть своеобразные отношения, не укладывающиеся в существовавшие до того категории. Далее автор делает важный

методологический вывод, касающийся лингвистической ценности анализа процессов взаимодействия «психологических» и грамматических категорий: «рассмотрение этих процессов, которые мы можем проследить довольно подробно, дает нам вместе с тем возможность судить о первоначальном возникновении грамматических категорий, недоступных нашему наблюдению» (Пауль 1960, 315).

Примерно в одно время с О.Есперсеном развивает теорию концептивной основы языка французский лингвист Г.Гийом. Не получившая достаточного внимания и заслуженной оценки во время жизни автора, сейчас теория Г.Гийома является объектом пристального изучения и анализа. Рассматривая вопросы метода анализа языка (Guillaume 1984, 17-25), сущности лингвистического знака (там же, 69-76), генезиса слова и его системной природы (там же, 109-130) и другие, Г.Гийом постоянно обращается к понятийному фактору, стремится к изучению мыслительного и языкового в их тесной взаимосвязи. До выхода в свет в 1992 г. книги Г.Гийома «Принципы теоретической лингвистики» (Гийом 1992) его концепция была известна русскоязычному читателю прежде всего благодаря трудам Е.А.Реферовской и Л.М.Скрелиной, посвятивших анализу научного наследия Гийома целый ряд работ (Реферовская 1967; Скрелина 1971; Скрелина 1981; Скрелина 1987). И хотя эти авторы расходятся в трактовке некоторых положений гийомовской лингвистики, оба ученых отмечают важнейшее место в ней понятийного компонента.

В настоящее время есть все основания считать, что Г.Гийому удалось создать собственную лингвистическую школу, получившую название «векторная лингвистика», или «психосистематика». На ее принципах уже созданы описания отдельных подсистем английского языка (например, имени и артикля [Hewson 1972], а также глагола [Hirtle 1975]). К числу учеников и последователей Г.Гийома относятся Р.-Л.Вагнер, П.Имбс, Р.Лафон, Б.Потье, Ж.Стефанини, Ж.Муанье, М.Мольо, Ж.Майар и др. Давая оценку их лингвистическим трудам, Л.М.Скрелина считает главной и характерной чертой этих ученых пристальное внимание к конкретным языковым фактам, которое идет от Г.Гийома, и стремление рассматривать их «изнутри», со стороны означаемого, отталкиваясь от понятийных категорий при объяснении функционирования элементов в речи (Скрелина 1987, 74).

Вслед за О.Есперсеном ставит вопрос о природе понятийных категорий И.И.Мещанинов. Первая работа ученого, положившая начало разработке им теории понятийных категорий, была опубликована в 1945 г. (Мещанинов 1948). За ней последовал еще целый ряд трудов, посвященных этой проблеме (Мещанинов 1945, Мещанинов 1960, Мещанинов 1958, Мещанинов 1954). Толчком к этим исследованиям послужила недостаточная разработанность вопроса о взаимных связях языка с мышлением, особенно тот факт, что «установлению общей точки зрения на связь языка с мышлением в значительной степени препятствовало слепое и безапелляционное заимствование из учебников логики и психологии, сводящееся к попыткам истолкования языковых фактов под углом зрения выработанных в них положений. Факты языка освещались со стороны, вместо того, чтобы получить свое объяснение внутри себя» (Мещанинов 1945, 5). Кроме того, проводимые И.И.Мещаниновым типологические исследования наталкивали ученого на мысль, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются в основном формы экспликации содержания, в то время как

такие понятия, как предметность и действие, субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками, а также отношения между словами в составе предложения оказываются общими для всех языков (Мещанинов 1958, 5). Выявление данного универсального мыслительного субстрата и стало в работах И.И.Мещанинова проблематикой, связанной с анализом понятийных категорий.

Среди других наиболее известных отечественных исследователей, внесших вклад в разработку темы мыслительных основ языка, следует назвать С.Д.Кацнельсона. Эту тему С.Д.Кацнельсон разрабатывает применительно к трем основным направлениям лингвистических исследований: общая грамматика и теория частей речи; проблема порождения высказывания и речемыслительные процессы; типологическое сопоставление языков. Рассмотрим все три указанных направления несколько более подробно.

Выступая против формального понимания частей речи, основанного на выделении у слов формальных признаков и специфических категорий, которые вырастают на основе флективной морфологии, С.Д.Кацнельсон, вслед за Л.В.Щербой, в качестве определяющего момента при отнесении слова к той или иной категории считает значение слова (Кацнельсон 1986, 118-119). Таксономия элементов языка, таким образом, проводится им на ономаσιологической основе – от значения к форме (ср. приведенные выше точки зрения по данному вопросу О.Есперсена и Ф.Брюно). По С.Д.Кацнельсону, «в самих значениях слов, независимо от того, оформлены ли они флективно или по нормам иной морфологии, существуют некие опорные пункты, позволяющие говорить о существительных, прилагательных и т.д.» (Кацнельсон 1986, 119). Такими «опорными пунктами» и служат понятийные и семантические категории.

В теории речепорождения С.Д.Кацнельсон придерживается типичного для представителей генеративной семантики понимания процесса порождения речи, при котором исходной структурой порождающего процесса и одним из базисных понятий всей концепции является пропозиция. Последняя понимается в качестве некоего мыслительного содержания, выражающего определенное «положение дел», событие, состояние как отношение между логически равноправными объектами (Кацнельсон 1986, 135). В составе пропозиции выделяются члены-носители отношения и связывающий их реляционный предикат. При этом каждый из членов пропозиции сам по себе не является ни подлежащим, ни прямым дополнением, а в составе возникших на базе пропозиции предложений может оказаться в любой из таких синтаксических функций (Кацнельсон 1970, 108). «Пропозиция содержит в себе момент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей» (Кацнельсон 1984, 6). Пропозиции, выступая в роли операционных схем на начальной фазе речепорождающего процесса, хотя и ориентированы на определенное смысловое содержание, но сами по себе, без заполнения открываемых ими «мест» определенными значениями недостаточно содержательны для того, чтобы служить основой для дальнейшего преобразования их в предложения. Эти структуры нуждаются в особых единицах, восполняющих пропозициональные функции. Такими единицами являются понятия (Кацнельсон 1986, 144-145). Как видно из этих рассуждений ученого, допускается не только существование некоего ментального субстрата, имеющего неязыковой характер и служащего основой речепорождающего процесса, но и отмечается его гетерогенность, сложная структурированность.

Что касается типологических изысканий, то, согласно С.Д.Кацнельсону, вовлечение содержательной стороны в орбиту этих исследований необходимо в силу хотя бы того факта, что и в области содержания языка обнаруживают черты как сходства, так и различия (Кацнельсон 1972, 11). Подчеркивая принципиальную возможность перехода от семантической системы одного языка к семантической системе другого языка, ученый делает акцент на универсальных, общечеловеческих мыслительных процессах, лежащих в основе речетворческой деятельности. С другой стороны, и «переход от логико-семантической системы к идиосемантической системе данного языка не представляет значительных трудностей, так как, оставаясь в пределах одного языка, мы всегда знаем, когда **конфигурация понятийных компонентов** образует фиксированное нормой значение и когда ей соответствует не одно, а несколько значений. Когда же мы сталкиваемся с новым для нас языком, эти границы исчезают в силу иного распределения **понятийных компонентов** между значениями по сравнению с тем, с которым мы сжились. Именно **понятийные компоненты** значений являются условием *sine qua non* их типологической (межъязыковой) конгруэнтности» (Кацнельсон 1972, 117) (Выделено везде нами. - А.Х.).

Можно подытожить воззрения С.Д.Кацнельсона на значимость ментального предъязыкового субстрата следующим образом: «Мыслительные категории составляют основу грамматического строя, поскольку с их помощью достигается осмысление чувственных данных и преобразование их в пропозиции» (Кацнельсон 1986, 151).

Исследования в русле данной проблематики получили свое дальнейшее развитие в трудах А.В.Бондарко в связи с разработкой этим автором категории функционально-семантического поля (Бондарко 1973; 2), а также предпринятым им анализом функционально-семантических (Бондарко 1971), семантических/структурных категорий (Бондарко 1976). Особо следует выделить статью А.В.Бондарко «Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике», специально посвященную рассмотрению соотношения этих сущностей и анализу языковой семантической интерпретации понятийных категорий (Бондарко 1974). В статье также рассматривается вопрос об универсальности понятийных категорий. В целом, следует отметить, что А.В.Бондарко, неоднократно отмечая тесную связь своих теоретических изысканий с воззрениями О.Есперсена и И.И.Мещанинова (Бондарко 1987, Гийом 1992; 3, 5; 4, 11-12; 5, 54), выражает в то же время и собственное, несколько отличное отношение к рассматриваемой проблеме. Опираясь на теорию понятийных категорий, А.В.Бондарко вместе с тем несколько отходит от нее. Избранное им направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим связан и отказ ученого от термина «понятийная категория», поскольку, как он считает, этот термин дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка (Бондарко 1971, 8).

Значительный вклад в исследование понятийной сферы мышления в ее отношении к языку внес американский лингвист У.Л.Чейф. В своем наиболее известном труде «Значение и структура языка» он рассматривает значение с точки зрения концептуальной (*ideational*) теории языка. Эта теория утверждает, что идеи, или понятия, являются реальными сущностями в сознании людей и что посредством языка они обозначаются звуками, так что могут быть переданы

из сознания одного индивидуума в сознание другого (Чейф 1975, 91). У.Л.Чейф считает, что понятийная структура и поверхностная структура суть различные вещи: и если поверхностная структура представлена материальными средствами языка и дана нам в чувственном восприятии, то понятия находятся глубоко внутри нервной системы человека (там же, 92). Согласно У.Л.Чейфу, мы не можем сделать понятийных спектрограмм, рентгеноскопий или записей на магнитную ленту, чтобы неторопливо и внимательно исследовать их. Среди прочих процессов У.Л.Чейф рассматривает в своей книге процесс коммуникации с точки зрения применения коммуникантами понятийного аппарата, которым они располагают (там же, 29), анализирует проблему сочетания увеличивающегося инвентаря понятий со строго ограниченным набором языковых символов (там же, 38-39), пишет о нелинейном характере понятий (там же, 40). Он характеризует механизм общения как возбуждение и активизацию говорящим средствами языка понятийных сущностей в сознании слушающего (там же, 93). Вместе с тем У.Л.Чейф полностью отдает себе отчет в сложности исследования понятийной сферы: «Сказать, что понятия существуют, еще не значит, что мы в состоянии в мгновение ока выделить их в своем сознании или что у нас есть удовлетворительные способы их представления и рассмотрения» (там же, 95).

Кратко охарактеризовав самые основные исследования в области понятийных категорий в историческом аспекте, перейдем к изложению собственно теоретических аспектов этой проблемы.

2. Онтологический статус и функции понятийных категорий

Коль скоро приходится признать наличие в человеческом сознании понятийных категорий, то в полный рост встает проблема их онтологического статуса, определения той сферы, того «этажа» сознания, где они коренятся, а также их отношения к явлениям действительности и категориям логики и языка.

По этому поводу исследователями высказываются различные точки зрения, часто не лишённые некоторой двойственностью, а иногда и внутренней противоречивости. Так, О.Есперсен, устанавливая внеязыковой характер понятийных категорий (12, 58), в дальнейшем изложении настаивает, что необходимо всегда помнить, что они должны иметь лингвистическое значение. О.Есперсен считает, что мы хотим понять языковые (лингвистические) явления, а потому было бы неправильно приступать к делу, не принимая во внимание существование языка вообще, классифицируя предметы и понятия безотносительно к их языковому выражению (там же, 60).

Размышляя о статусе понятийных категорий, И.И.Мещанинов решительно указывает на необходимость отграничения их от категорий логики и психологии (Мещанинов 1945, 15) и характеризует их следующим образом: «Приходится проследивать в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя и неграмматическою формою грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий. В то же время, выражая в языке нормы действующего сознания, эти понятия отражают общие категории мышления в его реальном выявлении, в данном случае в языке» (там же, 14-15). Однако в одной из своих последующих работ И.И.Мещанинов, вступая в

противоречие со своими прежними взглядами, трактует понятийные категории как разновидность логико-грамматических категорий (Мещанинов 1960, 16).

В значительной степени перекликается с указанными взглядами О.Ес-персена и И.И.Мещанинова (в той их части, где оба исследователя признают несобственно-языковой характер понятийных категорий) точка зрения С.Д.Кацнельсона, по мнению которого понятия и содержательные грамматические функции, в силу их прямой или косвенной обусловленности внеязыковой реальностью и в силу многообразия способов их выражения в языке, в известных границах независимы от языка. Поскольку, однако, способ выражения не «нейтрален» по отношению к содержанию, исследование языкового содержания невозможно без учета условий его распределения по формам языка (Кацнельсон 1972, 20).

В.М.Жирмунский относит понятийные категории к логико-психологическим категориям языка (Жирмунский 1965, 17).

Интересной представляется в плане анализа рассматриваемой проблемы концепция А.В.Бондарко, который считает необходимым различение собственно понятийных (логических, мыслительных) категорий и двусторонних языковых единств типа устанавливаемых им функционально-семантических полей. Эти поля включают в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка и конкретные элементы плана выражения также именно данного языка. Отсюда вытекает трактовка этих полей как единств, находящихся на поверхностном уровне, что, однако, не означает, что исключается связь с уровнем глубинным. Такую связь автор усматривает в том, что семантические функции, носителями которых являются элементы данного поля, представляют собой «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной понятийной категории или комплекса таких категорий. Итак, можно предположить, что собственно понятийные категории, имеющие универсальный характер, относятся к глубинному уровню, тогда как конкретно-языковая семантическая интерпретация данной понятийной категории, организация языковых средств, служащих для выражения данного значения, распределения семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами - все это относится к поверхностному уровню (Бондарко 1973,12).

А.В.Бондарко предлагает идею выделения нескольких уровней контентивной стороны языка. Семантика, согласно его точке зрения, есть и на глубинном, и на поверхностном уровне. Глубинная семантика характеризуется им как не имеющая конкретно-языковой организации и интерпретации и не закрепленная за определенными языковыми средствами. Поверхностная же семантика, базируясь на глубинной, относится уже к данному, конкретному языку. Глубинные понятийные инварианты здесь выступают в вариантах, общая конфигурация которых и многие детали характерны именно для данного языка. Таким образом, понятийные категории играют функционально активную роль и по отношению к глубинной семантике, где они реализуются в вариантах общезначимых, не имеющих конкретно-языковой специфики, и по отношению к поверхностной семантике, где они реализуются в таких вариантах, которые составляют специфическую особенность именно данного языка или группы языков, в отличие от других языков (там же, 12-13).

В одной из своих последующих работ А.В.Бондарко приходит к мысли о необходимости разграничения и понятийных категорий. Он выделяет два их типа: фундаментальные понятийные категории, являющиеся облигаторными и

универсальными, и нефундаментальные категории - факультативные и неуниверсальные (Бондарко 1974, 78). Такое членение семантических и понятийных категорий свидетельствует о тонком анализе объекта исследования и об осознании ученым всей сложности и многогранности системных отношений между сущностями, не данными человеку в непосредственном чувственном восприятии. К сожалению, приходится констатировать, что оборотной стороной такой классификации является некоторая ее громоздкость, не всегда достаточно четкая выявленность отношений между предлагаемыми уровнями, иногда отсутствие ясной делимитации одного уровня от другого. Не вполне понятной, например, представляется разница между нефундаментальными понятийными категориями и категориями поверхностной семантики. Видимо, сознавая это, А.В.Бондарко пишет, что, может быть, нефункциональные понятийные категории следовало бы назвать не понятийными категориями, а как-либо иначе.

Итак, какое же место занимают понятийные категории в структуре человеческого сознания и каковы их функции? Представляется вполне корректной позиция И.И.Мещанинова по этому вопросу: «Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» (Мещанинов 1945, 15). В этом суждении несколько очень важных идей. Во-первых, показано, что понятийные категории как бы двунаправлены: одной своей стороной они обращены к универсальным логическим и психологическим категориям и законам и через них связаны с объективной действительностью; другой стороной они обращены к языковому материалу и находят свое выражение в фактах языка (ср. отмечаемое А.И.Варшавской свойство «двуликости» понятийных категорий [Варшавская 1984, 201]). Во-вторых, понятийные категории, располагаясь между логико-психологическими и языковыми, не являются в собственном смысле ни теми, ни другими; они обладают собственным, относительно самостоятельным статусом. В-третьих, в приведенном высказывании И.И.Мещанинова недвусмысленно выражена идея о «многоэтажности» человеческого сознания, где каждый «этаж» непосредственно связан с соседними, относительно независим от них в силу наличия специфических функций и вместе со всеми образует единое здание человеческого менталитета.

Прав был и О.Есперсен, разграничивая понятийную и языковую сферы и устанавливая, таким образом, нетождественность категорий понятийных и языковых: «Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе» (12, 60).

Таким образом, понятийные категории - это релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой - на семантические категории языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом. Здесь следует сделать следующие два замечания.

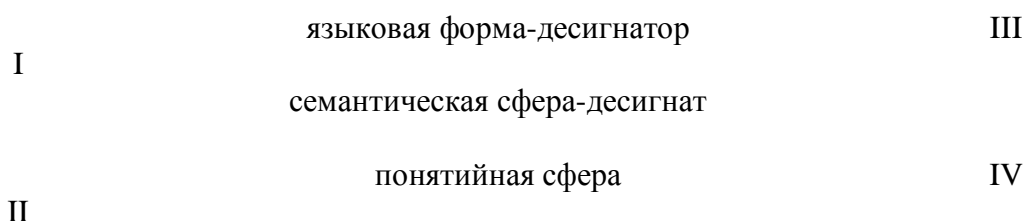
Первое. Говоря, что понятийные категории в генетическом плане как бы «предваряют» языковые категории, предшествуют им, необходимо учитывать

факт гетерогенности понятийных категорий. Так, если понятийная категория количественности формируется в сознании и затем оформляется в языке в результате отражения количественных параметров объектов реальной действительности, то такие понятийные категории, как модальность - и в особенности ее аксиологический тип, «идут» не от действительности, а от человека, обуславливаются активностью человеческого сознания, его способностью к весьма сложному и неоднонаправленному взаимодействию с внешней средой. Н.А.Кобрина выделяет следующие три типа понятийных категорий. Первый тип - такие, которые представляют отражение реальности в виде форм и предметов мысли (то есть совпадают с понятиями в философии). Это определенные смысловые сущности, получающие отражение в семантике, либо в лексических группировках слов, либо в частеречных классах, в зависимости от уровня рассмотрения, точнее, осмысления объекта. Для таких понятийных категорий границы между их семантикой и понятийным смыслом практически размыты. В лингвистике эта размытость проявляется в том, что в семантическом синтаксисе понятийные концепты часто называются семантическими ролями (актантами). Другой тип понятийных категорий - параметры, признаки, характеристики - такие, как вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж. Для этих понятийных категорий однозначная соотносимость с формой чаще всего отсутствует. Третий тип - это релятивные, или операционные, понятийные категории, то есть такие, которые лежат в основе схем организации понятий. Наиболее характерным признаком релятивной понятийной категории является сетка понятий, отражающих соотношение таких референтов, как действие или событие с вовлеченными в них предметами мысли. Такое соотношение является образным отражением реальной ситуации, и оно превращается в пропозицию после того, как выбран реляционный предикат на семантическом уровне и заполнены все «места» реляционной схемы (18, 43-45).

Второе. Тезис о том, что понятийные категории являются необходимой предпосылкой адекватного функционирования всей системы языка, нуждается в пояснении. Язык, как известно, имеет уровневую и аспектную организацию, и каждый уровень и аспект относится к понятийной сфере по-разному. Если количество и номенклатура единиц фонетического уровня определяются физиологическими возможностями артикуляционного аппарата и в целом с единицами понятийной сферы не соотносятся, то единицы лексической системы языка регулярно коррелируют с фондом понятий. Наиболее же явно «реагирует» на понятийную сферу грамматическая система в силу ее приближенности к общим законам организации мышления.

Учитывая вышеизложенное, можно изобразить многоярусную схему человеческого мышления и языка следующим образом. Ни в коей мере не претендуя на бесспорность и окончательность, эта схема все же дает наглядное представление о сложной организации ментальных структур, в особенности выявляя взаимную корреляцию понятийной сферы с остальными.

логико-психологическая сфера

внеязыковая действительность

Римскими цифрами на схеме указаны уровни, которые на разных основаниях можно объединить друг с другом. Так, под цифрой I объединены уровни, относящиеся к собственно языковой сфере. При этом в качестве исходного принимается тезис о билатеральном характере языкового знака. Языковой знак связан с внеязыковой действительностью через сферы, объединенные цифрой II; их можно совместно охарактеризовать как логико-понятийную основу языка, невербальные формы мышления. Сфера, обозначенная цифрой III, является чувственно воспринимаемой, имеющей материальную выраженность языковой субстанцией. В отличие от нее сферу IV следует определить как сферу скрытых от непосредственного наблюдения и восприятия ментальных сущностей, о статусе и функциях которых можно судить лишь косвенно, изучая внеязыковую действительность как источник воздействия на рецепторы человека и поверхностную структуру как выражение этой действительности во внешней знаковой форме.

Завершая рассмотрение данной проблемы, следует указать и на отношения, существующие между обозначенными на схеме уровнями, так как каждый из них, хоть и функционально значим, но прежде всего является частью целого.

Между внеязыковой действительностью и логико-психологическим уровнем существуют отражения - внешний мир воздействует через рецепторы человека на его мозг, в результате чего возникают идеальные корреляты явлений действительности. В целом отношения между внеязыковой действительностью и логико-психологической сферой изоморфны (при этом мы отвлекаемся от частных случаев искажения восприятия действительности, причины которых варьируют от специфики природы отражаемого объекта до индивидуальной патологии сознания отражающего субъекта).

Понятийная сфера упорядочивает явления логико-психологического уровня. Классифицирующая деятельность человеческого рассудка дискретизирует, структурирует и группирует эти явления на основе их наиболее общих и наиболее релевантных для человека признаков. Понятийная сфера есть сфера концептивных аналогов сущностей логико-психологического уровня. Отношения между этими уровнями характеризуются, таким образом, как отношения систематизации, и им свойственен гомоморфизм.

Суть следующего этапа - переход от понятий к сфере языка - формализация понятийных категорий, придание им лингвистического значения, их «оязыковление». Имеет место переход от универсальных явлений к явлениям идиоэтническим, следовательно, данные межуровневые отношения алломорфны. Следует отметить, что на данном этапе возникает и структурированность самой системы понятийных категорий, выявляются различные их типы.

Последняя ступень - связь семантики с поверхностной структурой. Поскольку это есть связь между двумя сторонами языкового знака, то рассмотрение ее представляет отдельную лингвистическую проблему и выходит за рамки настоящей работы. Ограничимся лишь констатацией существования различных точек зрения на нее (ср. идею Ф. де Соссюра об однозначном соответствии между означающим и означаемым и теорию С. О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака).

4. Соотношение понятийных и семантических категорий

Вопрос, не нашедший достаточно подробного освещения в предыдущем разделе настоящей работы, но представляющий значительный теоретический интерес, это вопрос о соотношении понятийных и семантических категорий.

В этом плане заслуживает внимания мысль А.В.Бондарко о том, что семантические категории относятся к понятийным как варианты к инвариантам (Бондарко 1973, 12-13; 5, 59). Подобный подход позволяет избежать разного рода крайностей в трактовке рассматриваемой проблемы, которые выражаются либо в отрыве семантических категорий от понятийных, либо в их отождествлении. Преимущество же такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, подчеркивается нетождественность сферы семантики и сферы понятий, а с другой - четко определяется неразрывный характер связи между ними.

Действительно, понятийные и семантические категории не находятся во взаимно-однозначном соответствии. Понятийные категории являют собой стабильный и устойчивый когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики. Последние, как было показано выше, относятся к явлениям языка, причем не только языка вообще («глубинная семантика» у А. В. Бондарко [4, 12-13]), но и конкретного данного языка со всеми присущими ему отличительными особенностями («поверхностная семантика» [там же]). В связи с этим может иметь место и определенная асимметрия между понятийным и семантическим планами. Проиллюстрируем это на примере часто приводимых для подобного рода целей предложений типа

- а) Рабочие строят дом.
- б) Дом строится.

Рассмотрим соотношение между понятийной категорией агенса и соответствующей семантической категорией (или, в терминологии семантического синтаксиса, ролью, падежом).

Понятийная категория агенса реализуется в предложении а) так же, как и семантическая роль агенса - в слове «рабочие». Здесь можно констатировать случай ролевого соответствия семантической категории понятийной. В примере б) семантическая категория агенса отсутствует по той причине, что нет самого словесного знака, десигнатная часть которого и определяла бы его значение, его семантику. В то же время агенс как понятийная категория реально присутствует в сознании. Тот факт, что в предложении б) нет специализированного словесного знака, формализующего указанную понятийную категорию и выражающего своей материальной, десигнаторной стороной соответствующую понятийную категорию, не свидетельствует об отсутствии у говорящего или слушающего понятия об активно и целенаправленно действующем лице, сознательно направляющем свою деятельность на определенный объект (то есть об агенсе). Следует со всей определенностью подчеркнуть, что знаковая (а значит, и семантическая) невыраженность понятийной категории вовсе не свидетельствует о том, что ее существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда она находит свое выражение в языковом знаке. Представление о том, что действие строительства дома (как в наших примерах) осуществляется кем-то, неизменно присутствует в нашем осмыслении ситуации. Отсутствие слова с агентивным значением в реальном речевом высказывании может как раз свидетельствовать о том, что говорящий расценивает тот факт,

что дом не может строить себя сам, что дом всегда строится кем-то, как некую естественную, привычную, хорошо известную из жизненного опыта, само собой разумеющуюся данность. Если коммуникативное задание высказывания, его прагматическая установка не предполагают заострить внимание собеседника на том, кто именно совершает действие, то отсутствие обозначающего агенса слова может быть признано коммуникативной нормой. Известно, что речевая деятельность имеет тенденцию к экономии средств выражения, опусканию всего коммуникативно избыточного, но коррелирующие с предложением концептивные структуры в силу их обусловленности логико-психологической сферой, отражающей «положение дел» самой реальной действительности, никогда не поддаются какого-либо рода «понятийной редукции», всегда оставаясь понятийно наполненными. Следует упомянуть, что возможность внешней невыраженности понятийных категорий оговаривается и в концепции И.И. Мещанинова. («Без их (понятийных категорий. - А.Х.) выявления в языке они остаются в области сознания» [Мещанинов 1954, 240]).

Завершая рассмотрение данной проблемы, еще раз подчеркнем, что указание на имеющую место асимметрию между понятийной и семантической сферами следует понимать как отсутствие жестких взаимно-однозначных отношений между ними (такие отношения между ментальным субстратом и его производной, в терминах которых мы описываем понятийный и семантический уровни, невозможны в принципе). Даже если идиосемантическая система данного языка не «предусмотрела» специального аналога какому-либо понятию, это понятие может быть описательно выражено в речи посредством синтагматической конфигурации словесных знаков.

4. Формы существования понятийного мышления

Признание понятийной сферы в качестве одного из ярусов человеческого мышления заставляет поставить вопрос о тех операционных сущностях, в форме которых оно осуществляется. Если экстралингвистическая реальность, логический строй мышления и язык имеют присущие им единицы и законы, то понятийная сфера также оперирует своими единицами - концептами, или понятиями, которые способны группироваться в сложные структуры, называемые понятийными категориями.

Концепты - это понятийный инвентарь, аппарат, находящийся в распоряжении человека, они составляют тот понятийный фонд, из которого извлекаются мыслительные единицы для осуществления речемыслительного процесса. Будучи вовлеченными в речемыслительный процесс, концепты становятся мыслительными референтами. Отсюда ясно, что мыслительный референт и концепт - явления однопорядковые, соотносимые, но не тождественные. Мыслительный референт - это актуализованный концепт, идеальный объект мысли в конкретном акте номинации. При этом следует указать на разницу между мыслительным референтом и просто референтом.

Если референция понимается как отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения к объектам действительности (Арутюнова 1982, б), то референт - это по сути «актуализованный» денотат, материальный (во всяком случае онтологический) объект мысли в конкретном речевом акте, сущность, вовлекаемая в структуру лингвистического знака не на уровне языковой статики, а на уровне речевой

динамики. Таким образом, отношения между денотатом и референтом сродни отношениям между концептом и мыслительным референтом.

Последовательно проводимое разграничение референта и мыслительного референта представляется в высшей степени важным и обладающим большой экспланаторной силой. Так, при отождествлении этих двух сущностей не удастся объяснить возможность истинных высказываний о несуществующих предметах. Как пишет Л.Линский, если суждение высказывается о чем-то, то этот предмет (или объект) должен реально существовать, иначе как же в суждении он может быть упомянут? Или каким же образом может иметь место референция к нему? Нельзя говорить о референции ни к чему, нельзя высказываться ни о чем, и если высказывание ни о чем невозможно, оно всегда должно быть о чем-то.

Так эта известная с древних времен цепь рассуждений приводит к выводу о невозможности истинных высказываний о несуществующих предметах. Значит, невозможным становится даже утверждение, что они не существуют (Линский 1982, 169). Очевидно, выход из положения может быть найден в том, что языковая референция осуществляется не прямо и непосредственно к явлениям внешнего мира, а к сущностям идеальным - мыслительным референтам, которые способны в силу креативного характера человеческого мышления конструировать несуществующие предметы и нереальные ситуации.

Примерно в том же ключе доказывает нетождественность референтов и мыслительных (идеальных, языковых) референтов И.Ф.Вардуль. По мнению автора, многочисленные факты несоответствия содержания высказывания действительности, в частности, такие заведомо ложные высказывания, как «На вербе растут груши», доказывают, что языковые референты суть идеальные объекты. Это не денотаты, а сигнификаты, если воспользоваться терминологией Ч.Морриса (Вардуль 1973, 14). Выводы, к которым приходит И.Ф.Вардуль при рассмотрении этой проблемы, заключаются в следующем: 1) при построении речевого высказывания параллельно с ним конструируется его идеальный (в нашей терминологии «мыслительный») референт, который может быть адекватным и неадекватным действительности; 2) информация, содержащаяся в высказывании, относится к идеальному референту, а не непосредственно к действительности, но, передавая информацию об идеальном референте, мы через нее передаем информацию и о действительности - в той мере, в какой референт адекватен действительности (Вардуль 1973, 14-15).

Сошлемся в связи с рассматриваемой проблемой и на мнение В.Г.Гака, который считает, что референтом предложения является не отдельный элемент действительности, а отрезок ситуации в целом (Гак 1969, 78); ситуация же трактуется как совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания (Гак 1972, 358).

Итак, если референция - это отношение, то мыслительный референт - это та ментальная единица, посредством которой это отношение актуализируется в конкретном речевом акте; если виртуальное имя коррелирует с виртуальным понятием-концептом, то актуализованное, включенное в речь имя коррелирует с мыслительным референтом; наконец, если концептуальная система соотносится с языковой системой, то оперирование мыслительными референтами происходит при осуществлении речевой деятельности. Концепт, таким образом,

рассматривается как сущность статическая, а мыслительный референт - как динамическая.

Когда мы ведем речь о том, что языковая сфера есть в значительной степени результат формализации понятийной, то представляется весьма важным иметь в виду указанную разницу между концептами и мыслительными референтами. При осуществлении речемыслительного процесса имеет место синтагматическое соединение и десигнаторов словесных знаков (морфологическая комбинаторика), и их десигнатов (семантическая комбинаторика), что составляет собственно речевой аспект процесса, а также синтагматическое соединение мыслительных референтов (смысловая комбинаторика), что составляет мыслительный аспект этого процесса.

При этом необходимо особо указать, что такое искусственное расчленение фактически единого процесса предпринято лишь в исследовательских целях для удобства анализа, в действительности, же, как справедливо полагает С.Д.Кацнельсон, процессы мышления и речеобразования неотторжимы один от другого и представляют собой единый речемыслительный процесс (Кацнельсон 1984, 4).

Заключение

Вряд ли современная наука ставит перед собой задачи более глобальные и сложные, чем исследование закономерностей и свойств человеческого сознания. Существенный вклад в анализ свойств этого уникального объекта вносит и лингвистика. А взгляд на язык иначе как на «материализацию сознания человека» (Колшанский 1975, 7) неизбежно влечет за собой повышенное внимание к понятийным основам языковых построений. Описание понятийных категорий, таким образом, не только помогает адекватно понять и интерпретировать факты языка, но и способствует проникновению в организацию мыслительных механизмов человека. Что же касается собственно лингвистической релевантности понятийных категорий, то одно из лучших ее обоснований находим у Г.В.Колшанского: «Признание того факта, что несмотря на относительную самостоятельность материальных, звуковых форм языка, движущее начало лежит за пределами этих форм, означает лишь еще одно подтверждение положения о двусторонности языка, о речемыслительной его сущности, встречающегося в языкознании в самых различных вариантах, начиная от принципа билатеральности языкового знака (Ф.Соссюр и Л.Ельмслев), далее идеи о понятийных категориях в языке (О.Есперсен и И.И.Мещанинов) и кончая определением языка как «речевого мышления» (С.Кацнельсон)» (Колшанский 1975, 65).

Список литературы

4. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // НЗЛ. Вып.13. - 1982.
4. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. - Л., 1987.
4. Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. - Л., 1971.

4. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. - Л., 1973.
1. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. - М., 1974.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л., 1976.
3. Вардуть И.В. Об изучении семантического аспекта языка // ВЯ. – 1973.- № 6.
4. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. - Л., 1984.
5. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. - М., 1973.
6. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М., 1969.
7. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992.
8. Есперсен О. Философия грамматики. - М., 1958.
9. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. - М.-Л., 1965.
10. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. - Л., 1986.
11. Кацнельсон С.Д. Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации // Progress in Linguistics. - The Hague-Paris, 1970.
12. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // ВЯ. - 1984. - № 4.
13. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
14. Кобрин Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. - Л., 1989.
15. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М., 1975.
16. Линский Л. Референция и референты // НЗЛ. Вып. 13. - 1982.
17. Мещанинов И.И. Новое учение о языке на современном этапе развития // Русский язык в школе. - 1948. - № 6.
18. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного института иностранных языков. - 1945. - № 1.
19. Мещанинов И.И. Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. - М., 1960.
20. Мещанинов И.И. Типологические сопоставления и типология систем // НДВШ. Филол. науки. - 1958. - № 3.
21. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - Л., 1954.
22. Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960.
23. Реферовская Е.А. Лингвистическая концепция Гюстава Гийома // ВЯ. - 1967. - № 3.
24. Скредина Л.М. Грамматическая синонимия. - Л., 1987.
25. Скредина Л.М. Об одном направлении во французской лингвистике: Школа Гийома // НДВШ. Филол. науки. - 1971. - № 2.
26. Скредина Л.М. Система языка и речевой деятельности: Методы исследования. - Л., 1981.
27. Чейф У.Л. Значение и структура языка. - М., 1975.
28. Guillaume G. Foundations for a Science of Language. - Amsterdam/Philadelphia, 1984.
29. Hewson J. Article and Noun in English. - The Hague - Paris, 1972.
30. Hirtle W.H. Time, Aspect and the Verb. - Quebec, 1975.